

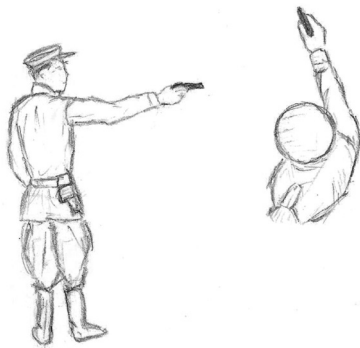
ЦВЕТЫ ЛУЧШЕ ПУЛЬ

Непомнящих Г.А.

Поражаешься, как сильно война меняет человека. Когда смотришь на этих юношей двадцати лет, в чьих волосах видна проседь. Когда видишь девушек, которых война поравняла с мужчинами. Когда понимаешь, что эти дети-одуванчики не слышали слова «детство». Когда будучи неопытным воином, новичком, держа оружие в руках, страшно осознавать, что убиваешь человека. Но эти вибрирующие воспоминания о гибели матери, товарищей, близких заставляют нажать на курок. Выстрел. И нет человека...

Мы были окружены противником в Августовских лесах, и о другом выходе, как отступление, речи быть не могло. Уж слишком не равны были силы. Тогда я бежал по глубокому снегу с двумя моими товарищами, с которыми когда-то вместе учился. Вокруг тебя ели да сосны – что легко заблудиться, если бы не озёра, с помощью которых я ориентировался.

Война оставляла свой отпечаток на миллионах. И меня это не обошло стороной.

Январь 1915 год.

Лес окутывал сизый дым орудий. Когда сил не осталось, моё поле зрения окутал густой туман, в ушах звенело, а стук сердца был схож с треском пулемета. Тогда я почувствовал резкую, острую боль между лопаток. Меня сковало, ноги подкосились, и я рухнул в снег...

Казалось, боль отступила, и я уже мягко куда-то проваливался, вдруг очутившись на ослепительно белом бескрайнем поле. Минуту погода на чистом листе выросли бумажные ромашки, и я неловко улыбнулся им.

Vom östlichen Kriegsschauplatz. Brotempfang, russischer Gefangener 15000 vor dem Abtransport in Augustowo

Я услышал голос, не схожий ни с одним другим когда-либо слышимых мною.

– Пойдём со мной? – звал меня кто-то невидимый.

– Зачем? Да и куда? – спросил я.

– Куда ты только пожелаешь – невероятно спокойно со мной говорили – хочешь, я подарю тебе эти ромашки. Хочешь, ты вновь свидишься с матерью. Пойдём со мной. Я подарю тебе покой.

Ромашки зашелестели на ветру, словно запели свою песню. Следя за их головками, я обернулся и замер от удивленного.

Передо мной стоял мой дом. Я не верил своим глазам, пошатнулся, опьянённый удивлением, счастьем и колючим горем. Значит, ураган пронесётся не только в голове влюблённого мальчишки. Эта деревянная хижина, освещённая лучами солнца, красавицы-берёзы, глубокий колодец с освежающей водой – всё напоминало о той довоенной жизни почти забытой мною. Я услышал голос матери и мороз прошёл по коже. Я закрыл глаза, чтобы не дать моим чувствам взять верх надо мной. Но, моё сердце сжало тисками, когда я увидел, как взрыв разносит старый дом. Это была моя память. Она не пускала меня. И открыв глаза, я понял, что дом растворился, как дым в воздухе.

– Я... я знаю кто ты. И я не пойду с тобой.

– Но почему? Почему добровольно идёте на верную гибель? Почему боретесь за мир полный грязи и боли?

– Потому что сердце моё живое, понимаешь? Я шёл не для того чтобы умирать. Я шёл защищать подмосковную сирень, стоять за женщин и стариков. Тебе не понять этого! Ты ведь даже не знаешь, что в мире, который ты так осквернила, есть тепло и любовь, сила и верность. И это будет гореть в людях ярким пламенем, погасить которое не удастся! Мы едины. Даже если стереть мою Родину с лица земли, если принести жестокие страдания, дух людей не будет сломлен. Никогда!

Замолчав, мы впустили гнетущую тишину.

– Отпусти меня – сказал я хрипло – сейчас я нужен своей земле. Клянусь, придёт моё время, и я спокойно отправлюсь с тобой. Но не сейчас! Нет!

– Не пойдешь со мной добровольно, значит, заберу силой.

Пуля-сокол стремительно, звонко рассекала воздух и тупо впилась в моё тело. И снова невыносимая боль, и опять я падаю оземь. «Только не уснуть» твердил я себе. Я ворочался от боли, словно птица, пойманная в сеть. Я ослабевал, в глаза пробрался туман. Сопrotивляться сил не осталось. Тогда, я аккуратно протянул руку к нераспустившейся ромашке.

Я не знал что делаю, чего жду от этого цветка, я просто чувствовал, что он мне нужен. И.. нежный цветок, шелестя, расправил тонкие лепестки, прикоснувшись к моим окровавленным пальцам.

Он впитал в себя мою боль, которую я не хотел отдавать. Собрал силы, я поднялся и расстроился, увидев вокруг себя пятно алых цветов, спасших меня.

– Ты хочешь добить меня. Но ты не понимаешь, что цветы .. лучше пуль.

Отрывисто произнесенные мною слова утонули в тишине, и я, казалось, тоже тонул.

Мне снова стало холодно и больно. Приоткрыв глаза, я увидел своих товарищей, несших меня, по ощущениям на какой-то широкой ткани. Они чуть слышно бормотали «дойдём, дойдём». Да, с такими товарищами идти в огонь и в воду. Мысли ещё путались, но я задумался. Сколько сражений было позади. Я ещё помню реку Неман, наши досадные ошибки, ужасные потери. Сколько ещё нас ждёт боёв? Сколько ещё земля впитает в себя крови. Во что нас превратила война!?..

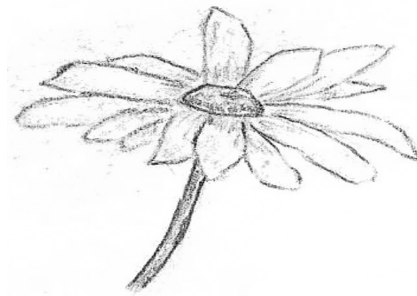
Не хочу забывать людей. Боюсь, что воспоминания о них рассыпятся, как

сухой осенний лист, и улетят по ветру. Но одно я знаю точно – мне не нужно видиться с матерью. Да, её нет на земле, но она всегда рядом: в русской песне, в голосе ручья, в белой берёзе, ласково обнимаемой мною. Наверное, поэтому я не должен беспокоиться. Сердце само запомнит нами любимых.

Навстречу нам уже бежали люди, всё расспрашивая, откуда мы, пытаюсь помочь и поддержать.

«209 Богородский полк» с трудом можно было прочесть на рукаве.

Позже я, конечно, поправился и вновь пошёл в бой. Я не был уверен, что тот случай был сном, и не стал распространяться об этом. Я понял, что все мы по-разному уйдём: у кого это будет борьба, или прогулка по саду, или новая встреча.

г. Ногинск, МБОУ Богородская гимназия,
9 «А» класс

Руководитель: Рунец И.В., г. Ногинск,
МБОУ Богородская гимназия,
учитель русского языка и литературы

